

17.10.95

Суслова-Апполинария Прокофьевна

Куранты - 1995 - 17 окт. - с. 6.

открытая книга

Людмилу Сараскину можно назвать счастливой. У нее был "звездный час". Издательство "Согласие" заказало ей книгу, которую она хотела написать больше всего, — об Апполинарии Сусловой, возлюбленной Достоевского, больше знакомой нам под именем Настасьи Филипповны.

О работе над книгой писательница рассказывает с восторгом:

"Я так давно хотела ее написать — странная история Апполинарии всегда меня мучила. Я чувствовала, есть в этой женщине что-то необыкновенное, делающее ее фигурой значительной, достойной собственного места в истории, а не только подруги великих людей. Они-то почитали ее то ангелом, то дьяволом — и не меньше. И она преследовала их воображение до самой смерти..."

Из моих четырех книг эта была самая "ментальная". Я с головой ушла в документы, мне удалось раскопать четыре совершенно достоверных архива, и в конце концов узнала Полину, как порой не знают и близкого человека".

Апполинарию Прокофьевну Суслову в словарях называют писательницей, переводчицей, селюккой, сельской учительницей, но в памяти тех, кто слышал о ней, она так и остается возлюбленной Федора Достоевского и женой Василия Розанова, второстепенной приставкой к чему-то великому.

Впервые имя Сусловой становится известным в виде куцевого сокращения "А. С-ва" в 1861 году, когда в семейном журнале братьев Достоевских "Время" появляется ее первый рассказ "Покуда" — рядом с прозой Григорьевича, Некрасова, с "Женитьбой Бальзаминова", с "Записками из мертвого дома". Наверное, единственный из всей той журнальной книжки, рассказывает Сараскина, сусловский рассказ был откровенно слабым. Таковы и ее следующие вещи, вышедшие в том же журнале в 63-м и 64-м годах.

"Подлинная история появления ее первого рассказа в журнале братьев Достоевских, — рассказывает Сараскина, — никому не известна. То ли к тому времени роман Апполинарии и Федора Михайловича был в самом разгаре и он опубликовал ее рассказ из любви к автору, то ли просто именно тогда, в это самое время, Федор Михайлович впервые с ней встретился, был поражен статной золотоволосой красавицей с острым умом, сильным характером и решил поддержать начинающую писательницу. Несомненно одно — именно к этому времени относится их первая встреча".

Достоевский был пленен Сусловой совершенно. Повидимому, его всегда влекли к себе сильные характеры, даже если они дурны. С самого начала их роман приобрел дикое и по уровню переживаний чисто "достоевские" формы. Бурные ссоры перемежались с бурными примирениями, окончательные уходы — с не менее окончательными возвращениями. Роман с испанцем, роман с французом, почной визит к Достоевскому с целью показать ему

огромный ножище, которым она собралась резать очередного любовника... В глазах Достоевского Полина Суслова одновременно и ангелом была, и демоном — женщиной-вамп, "инфер-

нальницей", женщиной типа "нервных" просят удалить..."

Но это в глазах Федора Михайловича. Сама же Апполинария видела себя и свое предназначение совершенно в других красках. Тут ничем таким inferнальным даже не пахло. Преобладало чистое радио. Зараженная модным в ту пору народничеством, переболевшая нигилизмом.

Полина хотела одного — состояться, заявить о себе как независимая, ни к кому не прикрепленная личность. И все ее литературные опыты пронизаны этим желанием — центром каждого из трех ее рассказов были благородные, независимые девушки. В самоценности видела она главный смысл своей жизни, а союз с одним из величайших русских писателей в эти планы не укладывался никак. Их роман закончился в Петербурге в 1865 году. До нельзя раздраженная очередным брачным предложением Федора Михайловича, Суслова бросила Петербург и снова уехала в Европу — в надежде стать независимой.

Три попытки сделать собственную жизнь были у Апполинарии Сусловой. И все три закончились грандиозными провалами. Людмила Сараскина тщательно исследовала все три.

Первая — писательство. Оно изначально было обречено на провал: слабая, унылая, порой дидактическая проза "А. С-вой" не имела никаких шансов выжить и могла быть опубликована только "по благу". А потом, как известно, журнал закрыла цензура.

"Это был, — говорит Сараскина, — очень болезненный удар по ее самолюбию. Любимый писатель пережил бы исчезновение "своего" журнала болезненно, но спокойно — в конце концов, он просто отдал бы свои рукописи в другое издание. Для Сусловой путь в другие журналы был закрыт, и, поняв это, осознав, что писательницей по большому счету никогда

не была, она, человек с чрезвычайно высоким мнением о себе, принимает очень серьезное решение — больше никогда не писать".

Вторая попытка не связана с литературным трудом. Верная принципу народничества "приносить пользу" и в духе того времени истолковав этот принцип, Суслова решила учить грамоте сельских детей. В наше бы время человек, испытывающий такое поразительное желание и больше ни

Иванов открыла сельскую школу дама неблагонадежная во всех отношениях. Дама, имевшая в Париже много встреч с Герценом и прочими предосудительными, революционно настроенными личностями, которых мы сегодня назвали бы диссидентами. Или, может быть, оппозицией. Припоминается ее мимолетный нигилизм и вообще много чего.

Реакция была мгновенной. Спустя несколько дней в село

Сусловой спустя десять лет самых жестоких, самых немислимых драм, с прилюдными пощечинами, с внезапными отъездами, с какими-то совершенно пороговыми состояниями душ, заканчиваясь. Не идиллическим раздражением, как это было в случае с Достоевским, а распадом со всеми признаками взаимной смертельной ненависти.

Людмила Сараскина приводит тексты Розанова, в которых он обвиняет свою супругу в вещах порой даже и не совсем правдоподобных — теперь на сцену выходит не прелестная inferнальница Настасья Филипповна, а старая, беспредельно сволочная карта, изменяющая и ревнующая с одинаково дикой силой. Розанов, выясняется, несколько раз лишил супругу наследства — что самое интересное, именно в те моменты лишал, когда за душой у него, кроме амбиций и потенций, ни копейки не было. Он, человек тоже с мнением о себе, лишил ее права на доходы с его будущих книг.

И вот окончательный разрыв и тридцать лет одинокой старости и полной тишины, так несвойственной для Апполинарии Прокофьевны Сусловой. В 1918 году она умерла в Крыму.

Людмила Сараскина не поленилась и просмотрела все номера основной в те времена крымской газеты "Крымский вестник", который Суслова, дама просвещенная, просто не могла не читать за все те 16 лет, которые Суслова жила в Крыму. О ней — ни слова, зато Достоевский и Розанов упоминаются постоянно.

"Я понимаю, как это раздражает, как это травмирует, как тяжело все время быть в раздражении... Если бы она была его женой, вся эта слава была бы ее, она была бы его вдова, и наверняка каждая женщина прокручивает все варианты своей жизни, своего прошлого и будущего... а она с этим жила 30 лет.

Когда ей было под семьдесят, стало греметь имя Розанова. Последние годы своей жизни он печатался одновременно в пятидесяти журналах и газетах, и, разумеется, постоянные встречи Апполинарии Сусловой с его произведениями были просто неизбежны. Драма, горечь, даже ужас — она всегда хотела быть литератором... это же инфекция! Человек, попробовавший литературного творчества, — человек пропащий. Вы навеки раб этой страсти. Тем более если писатель не состоялся, если у него не пошло. Он страдает, мучится, завидует, с чувством краха смотрит на тех, кто преуспел. И она видит, что отвергнутый возлюбленный стал писателем с мировой славой, а муж, которого она ненавидела до смерти, называла фальшивым, лицемерным человеком, заполнил собой всю печаль.

Ирония судьбы — женщина, которая хотела быть номером один в своей жизни, хозяйкой своей жизни, вошла в историю как любовница и как жена! Во всяком случае, сама Суслова рассматривала свою жизнь как потрясающий парадокс".

Суслова проиграла. Она не стала номером Один. И наверняка тишина, в которой она прожила свои последние десятилетия, была наполнена все теми же взрывами и громами, которые сопровождали ее в юности. Только теперь это были громы и взрывы, которых никто, кроме нее, не слышал. Как ни боролась она с судьбой, как ни восставала против нее, так она и осталась в нашей памяти спутником. Очень неудобным и неспокойным, очень каким-то дьявольским и неправильным, но все-таки спутником — женщиной для великих.

Владимир ПОКРОВСКИЙ.

ЖЕНЩИНА ДЛЯ ВЕЛИКИХ

прибыли полицейские чины, школу закрыли, учениц распустили по домам, а Суслову лишили права когда-либо преподавать сельским детям.

Удар несправедлив и ужасен. Но Суслова находит в себе силы на третью попытку — она становится переводчицей.

Летом 1869 года она получила заказ на перевод последнего французского издания книги М. Минье "Жизнь Франклина". Перевод, по общему признанию, получился превосходным, но этим все и кончилось — заказов больше не случилось. Еще несколько неловких телодвижений в поисках настоящей жизни — а потом безделье вынудило ее покинуть столицу и осесть в Нижнем, в доме своих родителей.

Тем бы и закончилась активная жизнь "друга вечного", как однажды назвал ее Достоевский, но спустя четыре скучных, провинциальных года Апполинария встретила студента по имени Василий Розанов и закурила с ним бешеный, совершенно в ее духе роман.

Роман, который на этот раз закончился венчаньем.

Нюх у нее, что ли, был особый на великих людей? Или, может быть, великие люди не пропускают женщин этого типа?

Но в этом романе все по-другому. Сменились роли: если Достоевский был намного старше, то теперь сильно старше она сама. Что не мешало страстям разыграться с прежней, если не с еще большей — дьявольской — силой.

Самое последнее дело — занимать жесткую оценочную позицию в конфликте мужчины и женщины. Кто осмелится быть судьей в спорах Льва Николаевича с Софьей Андреевной, Федора Михайловича с Марией Дмитриевной, наконец, Сократа с Ксантиппой? Сараскина это тонко чувствует — всей душой любя свою героиню, она не принимает ничью сторону, а просто приводит точки зрения сторон.

И второй "великий" роман

в каких признаках упомощательства не замеченный, был бы принят в сельсовет с распростертыми объятиями, даже если бы у него за спиной было всего три класса вечерней школы и пятнадцать лет строгого режима. В прошлом веке не то — для занятия должности сельского учителя требовалось специальное разрешение, которое выдавалось по результатам целой кучи экзаменов.

Полина бросает Париж, наряды, развлечения, она уже не думает более о романах. Три года она тщательнейшим образом готовится к своему новому призванию, в 1868-м сдает экзамены и уезжает в село Иваново (сейчас город) учить детей грамоте. Она открывает школу, и эта школа сразу же получает блестящую прессу. Перед ней — будущее. Вот оно, наконец, ее истинное призвание.

Но судьба бдит. На имя попечителя сельских училищ поступает донос о том, что в